

18+

Анастасия
Цепринская-Цекавая

Городские смехи

Анастасия Цепринская-Цекавая

Городские смехи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49789047

ISBN 9785005087829

Аннотация

Книга «Городские смехи» написана в редком жанре литературного импрессионизма. Это калейдоскоп эмоций, которые за счет стилистики книги легко примерить на себя и ощутить всю полноту переживаний героев. От яркого искрящегося счастья и трепета надежды до боли, беспросветного одиночества и горечи потери. Вместе с тем это яркая интеллектуальная проза, в которой едкая сатира над городским бытом умело встроена в пульс большого города с его противоречивыми образами.

Содержание

1. Курортный	5
2. Буквы или выхода нет	15
3. Верочка	26
4. Диплом и немного секса	30
5. Валька, или Жили-поживали, да пили, попивали...	41
6. Шесть раз	47
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Городские смехи

Анастасия Цепринская-Цекавая

Автор обложки Роман Т.-Бушинский

© Анастасия Цепринская-Цекавая, 2020

ISBN 978-5-0050-8782-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Курортный

Начало курортного отдыха я датирую утром в день отправки из Петербурга в Туапсе. Накануне остался последний заводной, полный дел и проблем рабочий день. А ранним утром этого самого дня в приоткрытую форточку окна первого этажа влетали крики со двора: «Пошли, паскуды, во дворец! Пошли, паскуды, во дворец!!!», – не унимался крикун. Я тяжело оторвала голову от подушки. Электронные часы показывали девять нуль-нуль. Постепенно отходя ото сна, я разобрала правильный контекст крика. – «Приём посуды во дворе!!!», – орал охрипший дворник.

Так началось первое утро отпуска.

Изначально отпуск был задуман как курортный, хотя начинался совсем не курортно, то есть не так, как хотелось бы. После бессонного утра, верхняя полка плацкарты у туалета в вечернем поезде, идущем в сторону Сочи, не обещала ночного отдыха. Но весь отпуск был впереди. Заряд позитива от этой мысли компенсировал нескончаемый поток людей, тянувшихся в сторону выше указанного «важного» заведения (как только поезд тронулся с места), и бесцеремонно хлопающих дверью тамбура. В вагоне же постоянно, не взирая на ночное время, бубнили разговоры, кто-то слушал плеер без наушников, где-то плакал ребёнок, смех, шуршанье пакетов и снова хлопок двери тамбура замыкал этот несконча-

емый круг жизнедеятельности человеческих организмов.

Через два дня я уже стояла на привокзальной площади Туапсе, и таксисты наперебой предлагали свои услуги. Хотя в Питере на такой как я, не богато одетой, даже скромной на вид, никто не пытался бы сделать бизнес. Так же несколько навязчивых «предпринимателей» по сдаче лишних каморок в своих коттеджах подхватывали мои чемоданы, отчаянно жестикулировали, улыбались, и чуть ли не волокли меня к такси, чтобы я квартировалась именно у них.

Под натиском самой настырной женщины, я согласилась ехать смотреть предлагаемую ею комнату. А первый взгляд всё было без изъянов и за допустимую плату. Надо было разместиться, разобрать вещи, но сначала я решила утолить голод. Ведь в поезде практически не кормили. Кроме чипсов, минералки и бутербродов с деликатесной рыбой второй свежести не было ничего. Да и цена была раза в три выше, чем в магазине для людей с земным достатком.

Утренний курортный ветерок разносил по побережью ароматы близлежащих кафе. Это действительно был какой-то особенный ветерок, не сравнимый с ветром большого города. Пахло копчёным мясом, гарью, тушёными овощами, кофеем, сыростью и морской водой. И все эти запахи сливались в общее непередаваемое амбре. Одна кафешка показалась мне слегка надёжнее, чем остальные, в плане «не отравиться». Наконец-то и цена была приемлемая, памятуя поезд, и мест свободных хоть отбавляй.

Толстая рябая продавщица за стеклянным прилавком приветливо улыбнулась мне: «Туристка? Не местная? Проходи, проходи! Не стесняйся!!!» Было ясно, что здесь, в глубинке, борются за каждого посетителя и за каждые десять рублей прибытка в кассу.

Осмотрев ассортимент, я начала жалеть, что зашла. Пирожки, салаты, чебуреки, – все они были будто третьего дня, расставленные тут давным-давно за пыльным стеклом прилавка, что б он совсем не пустовал. Но продавщица с такой преданностью ловила каждый мой взгляд, бросаемый на тарелочки с предлагаемым, что мне стало как-то совестно и я попросила два чебурека с сыром. «С сыром только один», – словно обиделась продавщица, и, не дожидаясь ответа, предложила с мясом. Вот чего-чего, а мяса я бы совсем не рискнула тут брать, но она уже захватила здоровенными щипцами мясной чебурек, и я кивнула, опять-таки постеснявшись отказать. На истёртую дощатую поверхность столика кассы, который был и подставкой для денег, за неимением специальной тарелочки, и местом выдачи еды, звякнуло блюдце. В этот момент мои чебуреки подогревались в микроволновке. И вот первый из них стартовал на это блюдце. Надтреснувший и подсохший не только от старости, но и от микроволновочного солярия, чебурек безвольно свесил свои края на дощатый прилавок. При виде этого в горле у меня встал ком, обещающий не впустить этот чебурек внутрь. Но продавщица, привычная к такой ситуации, лов-

ким движением мясистого пальца подхватывала то один, то другой край чебурека и тромбовала в блюдец. Когда последний край был утромбован, она проделала тоже самое со вторым блюдцем и вторым, подоспевшим после разогревания, чебуреком. Выполнив всё должное, и, так сказать, закончив сервис, вся её фигура, действующая так слаженно, как бы расслабилась, она облокотилась локтями на всё тот же дощатый прилавок и медленно, вяло, словно не заинтересованно протянула: «С Ва-а-с 3 (Ии-дцат-ть) 7 (е-ем-мь) ру-б-ле-ей». Подчёркивая каждое слово и всю сложность и важность подсчёта моего заказа. Хотя эти «С Ва-а-с», и особенно «37 рублей» были явной кульминацией всех её отлаженных действий, а может и кульминацией всего сегодняшнего торгового дня, тем более что чебуреки были последние.

Я присела за столик. Выпила кофе, и голод отступил сам собой, хотя к чебурекам приступать я не пыталась. Вернее, голод был не такой сильный, как казалось раньше, чтобы их есть. «Интересно, если я оставлю их здесь нетронутыми на блюдец, продаст она потом их ещё кому-нибудь? А может их уже продавали?», – думала я, стараясь не смотреть на жалостливо скорченный чебурек с замятыми пальцем краями.

Продавщица видимо что-то прикидывала, потому как она подседа ко мне и стала участливо спрашивать, где я остановилась, дорого ли, давно ль приехала, какие у меня планы, позволяют ли финансы... Тут она слегка смутилась, после финансов, и примолкла. Я отвечала довольно нехотя,

но всё же пришлось сказать, что живу от пляжа довольно далеко, что хочется и морем насладиться и в соседние городки поездить. И что дело не в финансах, а в настроении и желаниии, приврала про материальную сторону я.

Тут перед нами возникли двое. Девушка и парень. Продащица снова заулыбалась. Оказалось, посетители – это её дочка и зять. Она усадила их ко мне за столик, порекомендовала, и разлила всем кофе. И мне – бесплатно. Вернее высыпала из пакетиков Нескафе, так как это было самое шикарное в ассортименте. Мне это показалось настолько трогательным, что я позабыла недавнее отвращение и стала спрашивать её родичей про Туапсе. И тут нахлынула очередная волна низменной курортной коммерции. Он навязывался возить меня как таксист, а её дочка пыталась втюхать мне какую-то косметику по каталогам. В итоге, я еле отвязалась от них и со словами, что подумаю над предложенным, и вышла вон из кафе.

День и вечер прошли в антураже чистого безлюдного пляжа, шума волн, и солнца, ласково охватывающего плечи... Хотелось одиночества и покоя, после такого неприятного впечатления от этого бесцеремонного курортного торгашества.

Следующим утром я решила окончательно рассеять неприятное первоначальное впечатление, и отправилась на морскую прогулку. Пока деньги не растрочены, чтоб не оказаться в глупом положении, если заломят цену.

Небольшой крытый павильон возле пляжа. Груда зонтиков, шезлонгов, перевернутые лодки возле лодочного сарайчика, рыболовные сети. «Лавка старьевщика?», – хотелось съязвить, глядя на всё это. На одном из шезлонгов, прикрыв глаза, устроился мужчина. Он совершенно не располагал к общению. Серьёзность его вида, какая-то насупленность меня отпугивала. Но спросить больше было не у кого. Наконец, я отважилась. Откашлялась, чтоб обратить на себя внимание, но он намеренно или случайно не замечал меня, и продолжал своё курортное безделье. «Послушайте?!», – громко произнесла я уже с возмущением. «Да, да?», – голос его оказался довольно приятным, и я уже начала жалеть о своём недоброжелательном тоне. Высокий брюнет, кареглазый, загорелый, настоящий «морской волк». – Он встал с кресла. «Может это он и есть?», – мелькнуло у меня в голове. Тот самый ОН, о котором мечтают все, оказавшиеся на курорте, вдали от родственников, знакомых, друзей и их «посторонних» в ТАКОЙ момент взглядов. Он – Курортный роман!

Да! Мужчина был очень и очень... Хотя... Но что я так раздумываю, словно он уже ухаживает за мной! А вот, если... Как бы так дать понять ему, но не проявлять инициативу? Тысяча планов и тысяча раз их полный разгром пронеслись в моей голове за те несколько секунд, пока незнакомец объяснял, как пройти к пристани. Я прослушала все его объяснения, и на вопрос – «Понятно?», могла только глупо

улыбнуться.

– «А вообще, пойдёмте... Поедём! Мне тоже туда, вообще-то я управляю яхтой, а сейчас так, подрабатываю в павильоне в сезон. У тебя на какую яхту билет? Я – Виктор». Мне становилось всё неудобнее. Я уже забыла о смелых мечтах, о нескромности взгляда с намёками о курортном романе и мне хотелось провалиться сквозь землю, но только не ехать в купленный тур с Виктором на его яхте. Но яхта была именно та. Билет именно с этой пристани и кроме меня желающих было раз-два и обчёлся, так что дальнейшее общение было неизбежно, учитывая, что мы как бы знакомы и уже на «ты».

Что здесь можно описать? Ну кто не знает, что такое курортный роман? Это как в песне Трофима «а впереди ещё три дня и три ночи,.. и мы расстанемся с тобой навсегда». Одним словом романтика, идущая в ногу с прозой жизни. Длительная экономия весь год, чтобы скопить денег, для воплощения мечты о чём-то незабываемом, об отдыхе, о принце, о небывалой любви и романтике, и ещё не знаю о какой глупости. Я ждала чего-то «ах, какого». Цветов, ночных прогулок, долгих разговоров в маленьком кафе, танцев после ужина под музицирование небольшого ансамбля... А на деле это была встреча в отеле, потом ещё встреча и ещё. Отпуск не просто убывал, а дни словно таяли. Мой ухажёр проявлял всё меньше склонности к встречам, понимая, что мне скоро уезжать, или действительно был занят с туристами. И у него

не было никаких особых романтических сожалений и грусти, которые, может быть, больше даже мне нужны были, чем физическая составляющая. Больше нужен был обман и осознание, что есть что-то волшебное, есть эта любовь, вечное лето и прекрасный принц на далёком курорте. Только мой, любящий, и ждущий меня. Яхта под парусами, летние ночи, ароматы цветов, плеск воды...

Я уже устала сама ему названивать. Мне так хотелось ухаживаний. «Ну почему энтузиазм Виктора таял день ото дня? В конце концов, почему не мог он всё сделать по правилам!» – уже начинала ненавидеть его я. – «Да и где прописаны эти правила?» – Тут же возражала я себе, словно оправдывая его. – «Нигде. Всё это только мечты – красивый курортный роман».

В день отъезда он обещал проводить меня. Эта картина должна была надолго сохраниться в памяти, быть самой яркой и перекрыть разочарование от испарившейся кареты, платья и потерянной туфельки.

Но он не успел приехать, а может и не собирался приезжать. И когда душный вагон с толстой соседкой, свесившей свои загорелые босые ноги с верхней полки прямо надо мной, уже отъехал на две станции, мне пришла смс. – «Счастливого пути, Катюша!»

Что может сказать себе девушка после такого? Конечно, никогда не признается она себе или подругам. Конечно, иллюзия курортного счастья обростёт новыми сказочными по-

дробностями, и все в обеденный перерыв первого рабочего дня будут сопровождать рассказ возгласами «Здорово! Вот это да! Надо же!». Может все курортные романы и есть такие? А так же все пляжи, весь уют кафе, и всё это «счастье», которое бывает?

В первый же вечер после приезда, придя домой, не разобрав чемоданы и не высушив ещё влажный, закисший в целлофановом мешке купальник, я залезла в «Контакт», нашла Виктора и отправила предложение «добавиться в друзья».

Диктор по радио читала приветственные смс. «А вот ещё письмо, пришедшее на e-майл нашего радио. «Я отдыхала на турбазе. Там я познакомилась с Алексеем. Мы проводили вместе всё свободное время. Купались, гуляли, он дарил мне цветы и обещал, что любит меня. Но вот отпуск кончился, и мне пришлось уехать. А у него оставалось ещё неделя проживания на отдыхе. Он из далёкого Архангельска. Я уехала. С тех пор прошёл уже месяц, а я всё ещё люблю Лёшу! Поставьте, пожалуйста, песню Димы Билана, «Белый город за тих»! Может быть, Леша услышит!»... «Да... Я, конечно, поставлю, но что это за любовь, если Ваш Леша с Вами не поехал и Вас отпустил, и помнит ли он вообще Вас...», – тут диктор замялась... «И так, слушаем Диму Билана! Для всех влюбленных!», – бодрым голосом подытожила она.

«Такой же как мой, курортный...», подумала я.

Прошло две недели, я проверяла страницу «в контакте»

каждый день, но предложение «дружить» так и осталось без ответа.

Остались только курортные брошюры, курортные сувениры и пара пляжных курортных тапочек. Вот и всё.

2. Буквы или выхода нет

Выхода нет. В глазах стояли слёзы. Стоило их вытеснить усилием век, и они скатывались по щекам. Но тут же набивались новые. Заполняли глаза, переполняли их и следовали вниз за предыдущими. «Выхода нет». Какое неумолимое буквенное сочетание. Мне хотелось разбить толстое стекло двери вестибюля. Разрезать руки, разбивая его, почувствовать боль, кровь, но перестать ощущать струйки слёз на лице и другую, невыносимую боль.

Ощущение кома в горле мог снять только глоток крепкого напитка, но не надолго. К тому же, как бы организм не мечтал избавиться от этого комка, но мысль о проникновении в рот спиртного, чтоб смыть ненавистный, не проглатываемый комок, вызывала предчувствие тошноты.

В тот вечер я написала короткое сообщение. Всего лишь две строчки. «Люблю, когда ты говоришь, что хотел купить мне цветы, но тебе не понравились все те, что ты встречал по дороге с севера города на его противоположную окраину, ко мне...»

Зная, что ответа быть не может, хотя я отлично знала, какой должен быть этот ответ, если б была возможность его получить. Зная, что не будет этого ответа, всё равно, содрав шапку с головы, скинув пальто на пуф в коридоре, (перчатки не поддавались, не слезали с оледеневших рук), я включила

компьютер и открыла эту «вечную страницу». Ответа не было. Конечно же, не было. Может, я схожу с ума? Если жду.

Я печатала строчку за строчкой. – «Что же мне делать, как быть? Как же так, как так могло случиться с нами...» Иногда я доходила до упрёков, потом до нежности, потом... Потом я стирала всё это. И писала заново совсем другое, но такое же точно по смыслу, и опять стирала.

Я без него уже месяц. А ведь всего полтора года назад первое сообщение вызвало недоверие, любопытство, радость. Что это было за сообщение? Что-то обычное. Не помню. Смайлик, улыбочка, или нет. Нет. Кажется, это было какое-то заковыристое приветствие и намёк на знакомство. Мне было весело. Я читала потребности людей в паутине знакомств, и удивлялась, как они мечутся от отчаяния до самых сладостных надежд и обратно. Мне было легко, потому что я не знакомилась, а просто читала. Но всё ж открыла из любопытства это ненужное мне сообщение. Сообщение, ждущее от меня знакомства. А казалось, потом, постепенно, не ясно как и с каких пор, что я знала отправителя лет десять, а может даже раньше. Даже не со студенческих лет, а со школы. Вообще всю жизнь. Будто иначе не могло быть.

Однажды, не помню каким по счёту после первого смайлика был тот день, мы переступили новую ступень виртуальной жизни, обменявшись мобильными. Теперь каждое утро я просыпалась от его смски. «Привет, стою в пробке. И надо же было выпасть снегу уже в октябре месяце!?» Это бы-

ло менее возможных 160ти символов. Но ему было достаточно. Он хотел быстрее написать сообщение, чтоб быстрее отправить его. И если я не получала какое-нибудь утро подобное смс, значит он уехал в командировку, и ему не до меня. Вернее я должна была получить его корреспонденцию в полном объёме с опозданием. Учитывая роуминги и заграничные разницы во времени. Просто это было очень, очень-очень хорошо. Эти смски.

А сегодняшней день, тридцать второй день без него тянулся нескончаемо, так же как тридцать первый и тридцатый, и все остальные такие дни. «Сегодня опять неожиданно выпал снег, представляешь? Ты не любишь такие погодные сюрпризы. Я тебя понимаю», – писала я, сидя за рабочим столом. Глаза пронзила резкая боль от подступающих слёз. Я подняла глаза куда-то вверх, в потолок, что б не дать слезам размазать и без того размазанную тушь. Над дверью был стеклянный фонарик, с нарисованным на нём белой краской бегущим человечком и стрелочкой. А по центру двери, ведущей на чёрную лестницу, которой не пользовались со дня переезда нашей фирмы в этот офис, красовалась жирная надпись «выхода нет». Я знаю... знаю. Что нет. Мне хотелось влезть на табурет и отскрести ногтями это дурацкое сочетание букв. И я написала – «Я знаю, что выхода нет, но может я не права?». Если я где-нибудь ещё увижу эти слова я..., Я не знаю что сделаю!

После этого я не заходила «В контакт» неделю.

«Контакт» – это была третья и последняя ступень нашей виртуальной жизни. Потому что далее была жизнь реальная. Так же, как случайные партнёры часто не считают нужным занести своего нового любовника или любовницу в Одноклассники, или в Контакте, так же наоборот. Люди, которые живут совместным общением, когда они изначально образовали виртуальную семью, готовы каждую секунду уделить этому виртуальному общению. На любой странице всемирной паутины. Где только возможно отдаться мыслям друг друга полностью.

«Ну, сколько можно? Мы как дети!» – шутил он, и я с полу слова понимала, что речь идёт о том, чтоб перевести «Контакт» в контакт, по одну сторону монитора.

«Да, как дети! Конечно, пора. Не спорю», – я смеялась, подперев щёку и кроша печенюшку над клавиатурой. И сама того не замечая, инстинктивно придвигалась к монитору, чтоб быть к его фотографии поближе.

Реальная встреча не вызвала безумных волнений, страха или напряжения. А только радость. Как встреча с родным человеком, которого давно не видел. Будто это была не первая, а миллионная из наших встреч. С тех пор был нескончаемый поток дней, пролетевших как один, и каждый раз, когда нам приходилось прерывать бурные сцены наслаждения, которые мы устраивали то вместо обеда в офисе, то вместо завтрака или ужина у него. Или там, где был укромный уголок, а мы просто не могли сдержать спонтанное сумасшед-

шее желание. Подкарауливая свои эмоции и обостряя чувства неожиданностью отношений. Каждый раз, когда приходилось разъехаться в разные концы города и расстаться для работы, через несколько минут после расставания физического уже продолжался наш виртуальный роман. – «Видала, с какой завистью на нас посмотрела тётка в лифте?», – радуясь, строчил он, стоя в пробке, на светофоре. «Да, да, по чаще бы нам так завидовали», – продолжала шутку я, садясь в маршрутку. И дальше, порознь, но виртуально вместе, нам предстояло ждать вечера, чтоб как следует списаться в нете, а не по смс, поговорить обо всём, и назначить встречу на завтра, вернее на сегодня, так как онлайн разговор всегда переваливал за полночь.

Наша жизнь раздвоилась на виртуальную и реальную. Нам так же не хватало нашей ночной переписки по разным сторонам мониторов, как дневных встреч, полных физического удовольствия. В итоге опять наступила осень. Вторая осень, с удивлением поняла я. Целый год мы вместе. Какая-то Интернет-зависимость к друг другу. Обсудив это в очередном ночном чате, нам было забавно. Мы были похожи уже не на влюблённых школьников, какими казались себе по началу. А на профессиональных любовников из мультипликационного фильма. Неких виртуальных супругов.

На «семейном» совете было решено. – «Свадьба? Белое платье и торжественный марш?» Это был единственный раз, когда у меня накатились слёзы от его письма. «Почему мол-

чишь? Инет мерцает? Отвечай, или я сейчас тебе перезвоню» – волновался он. «Ну конечно марш, но мне больше идёт белая мини юбка. Но... И на платье я согласна!» Мне показалось мало, неубедительно, и я отправила несколько десятков восклицательных знаков, улыбающихся смайликов, отправляющих воздушные поцелуи, и козырный смайл в виде большого красного сердечка.

На следующий день мы смотрели друг на друга смущённо, не торопились приступить к ласкам. Каждый из нас чувствовал, что виртуального предложения и согласия мало, и нужно перебираться из мониторов в жизнь. Я подумала, что нам пора привыкать называть друг друга нашими настоящими именами, а не виртуальными Никами. Я посмотрела на него, но даже в самые нежные моменты он был для меня Мистер. Таинственный, любимый и виртуальный. А совсем не Коля. Менеджер из какого-то Тревел-Автомс. «Буква... Ты рада?» прервал он молчание. Я остановила его, приложив палец к губам. «Давай попробуем перебираться в реальность. Называй меня по имени. Разве тебе не нравится – Аня?» В его присутствии, сама произнеся своё имя, я почувствовала себя неуверенно. Будто нет никакой Ани. На работе есть Анна Игоревна, а здесь есть Буква, у которой адрес не дом и не улица, а всемирная паутина и Контакт. Да ещё Ньюска – среди школьных и студенческих друзей. «Да, конечно, Анечка. Мне очень нравится твоё имя!» – сказал он, но сказанное им тоже прозвучало как-то неуверенно.

И как бы не хотелось ускорить нормальную совместную жизнь, оба мы были больны этим виртуальным раздвоением. Резкий обрыв нашего виртуального бытия мог вызвать депрессию, расставание, и стать подобным атомной катастрофе для нас вместе и для каждого в отдельности. Он строил планы. Как закончит ремонт в квартире, возьмёт кредит на авто, и приедет ко мне как принц, на белом Ситроене. А я читала, горела, ждала, но не торопила его, наслаждаясь виртуальным романом. Смакуя каждую минуту нереального счастья. Каждый вечер, засыпая за полночь у монитора и просыпаясь, разбуженная смской моего Мистера. Общалась с ним по возможности днём, лично, чтоб ждать его вечером к ужину в чате, не отрываясь от монитора, как любящая жена, и отправить в подарок чашечку кофе, улыбку и что-нибудь милое, найденное днём среди Интернет журналов, новинок, или красивых фотографий на дизайнерской странице.

«Поздравь меня! Буковка! Я, наконец, оформил машину. Теперь я настоящий принц, на белом Ситроене! Сегодня вечером еду обкатывать покупку!» «Ммм... Ты такой устремлённый, такой надёжный. Но почему принц? Ты мой Мистер на белом Ситроене! Вот!» Значит скоро. Скоро мы станем настоящими. Все планы нашли своё логическое завершение. Завершился и наш виртуальный роман. Полное логическое завершение. Только я всё ещё Буковка, Буква, а не Аня. И он для меня Мистер. Но в этом даже есть какая-то романтика.

Он уже больше года хотел поменять свою старую машину, и как у всех мужчин, покупка этой игрушки вызвала бурную радость. Ближайшие три дня он говорил только о машине. Все ассоциации у него были автомобильные, и мне было скучновато во время наших вечерних чатов, так как я не умела поддерживать эту тему на должном уровне, не будучи автомобилисткой. На четвёртый день он вообще не вышел вечером в чат. Я хотела написать смс, но подумала, что даже если у него не работает компьютер, он должен первый мне написать. Я ждала. Уснула глубокой ночью, без весточки. Не было и утреннего смс. Но так как я проспала из-за этого на работу, некогда было думать, собравшись без завтрака и глотнув кофе на ходу в коридоре, я выбивалась из сил, не успевая по делам, и опомнилась только в два часа дня. Вестей так и не было. «Неужели?...» Страшная мысль, которая посещала каждую женщину, закралась ко мне в душу. «Всё кончено? Появилась машина, а я надоела. Наскучила. Или недостаточно продвинутая для него». Во мне поселилась какая-то жуткая дрожь. Которая в каждой моей клеточке пульсировала словом – «всё». Всё, всё, всё, всё, всё.

Всю ночь я висела на страницах, перебирая наши излюбленные чаты, но ни в одном не застала его. Телефон не отвечал. От отчаяния я потерялась, сколько дней прошло в этом кошмаре, и на которую ночь, наконец, уснула, не помня себя от усталости. Следующий день стал последним для нашего реалии и началом нашего нового виртуалити, длящегося

уже 32 дня. Мне написал его друг со страницы Контакта. Я никогда не видела этого Алексея. Но иногда он приятно разбавлял наш супружеский чат. В этот раз сначала он писал о том о сём, но я почти не отвечала. А он видимо не решался, но, наконец, понимая, что пустой разговор двух незнакомых людей иссяк, сказал после «курс валютный скачет – страшное дело!» в ответ на моё «молчание». «Николай на машине разбился». Я тупо смотрела в монитор. У меня не было слов, не было слёз для рыдания, и не было подходящего смайла из огромной подборки, чтоб ответить Алексею. «Правда?» – выдавила из клавиатуры я. «Таким не шутят», – по-мужски лаконично ответил он. «Не думай, не бросил, трагедия,..... Жаль, что я для тебя злой вестник, Буковка».

Я решила, что больше никогда не открою чат с этим страшным человеком.

«Представляешь, он написал мне, что ты разбился». – Стучала я с утра по клавишам. «На ночь глядя написал такое! Хотел наверно с ума меня свести», – я смотрела в монитор и дурацки улыбалась сквозь слёзы.

«Зима какая поздняя в этом году. Хоть и снег, но всё равно тепло».

«А ты передел резину на зимнюю?» – хотела я его порадовать разговором, связанным с машиной.

Он не отвечал.

Уходя на работу и живя от одного компьютера до другого, – от домашнего до рабочего, единственным моим мо-

ральным достижением было не писать ему смсок, на находившийся вне зоны доступа, разрядившийся где-то в отсутствии своего хозяина, телефон.

Входя в офис, я сразу включала вечную страницу. Если его не было в сети, я писала какое-нибудь милое приветствие ему и ждала, когда он придёт и ответит.

Прошёл месяц. Он продолжал жить. Жить в безграничных просторах Интернета. Подходил день его рождения, и Контакт оповестил меня, что пора поздравить друга. Тебе исполнилось 34. Тебе уже 34, а познакомились мы, тебе было 32, почти 33. Я открыла страницу. Он улыбался на меня с фотографии в день своего очередного дня рождения. Мне показалось, что улыбка у него милее, чем обычно, в праздничный для него день. Конечно, ему ведь исполнилось 34. «Я знаю, что ты мне не ответишь. И будешь вечно жить в этом молчании. Ты постареешь, тебе будет, может быть, сто лет. Но ты будешь всегда молодым. И наверняка, набирая возраст, год за годом, переживёшь меня....» Не придумали ещё кладбища в виртуальном мире... Мы могли бы жить и стареть год за годом, отображаясь друг у друга в лучших друзьях. Но моя реальная половина не может тянуть вторую половину меня – виртуальную. Мои фотографии старели бы, и я не соответствовала бы тебе. У меня есть только один шанс – уничтожить себя. Оставить пустую клетку на твоей странице. Я знаю, что ты будешь всегда ждать меня здесь, никогда не изменишь мне и не добавишь новых друзей в спи-

сок любимых, но и не простишь – так как не добавишь и меня в друзья, если я когда-нибудь вернусь в Контакт. К тебе. И конечно, ты навсегда сохранишь все мои виртуальные письма.

Я так давно ни с кем не общалась в чатах, кроме него, что не знаю, заметил ли кто-нибудь моё отсутствие в виде удалённой страницы из списка контактов. Скорее бы заметили отсутствие, если бы через год неумолимая система напомнила, что мне стало на один год больше, и моя страница существовала бы. Теперь компьютеры, измученные моей непрерывной эксплуатацией за последние месяцы, смогут отдохнуть, улыбалась я.

Ведь я знала, что та самая дверь, ведущая с чердачного помещения строго вверх, на крышу, и есть «Выход», не смотря, что над ней были написаны другие буквы. Я ещё пару недель назад заметила её. Эту дверь.

3. Верочка

Пять лет назад я познакомился с девушкой. Она работала в газетном киоске на вокзале. А я ездил на работу почти каждый день и покупал у неё мой любимый «Спорт экспресс». Читывали наверно? Так вот и я. Конечно, газетёнка была мне эта интересна. Но и девушка постепенно вошла в мою жизнь. Казалось, она мне улыбалась приветливее, чем остальным. Говорила что-нибудь вроде – «Доброе утро. Вам как обычно? „Спорт экспресс“?» – «Да, – улыбался я. Пожалуйста». Я не знал, как её зовут. И вроде повода не было спросить. Ну что это мне даст, ну узнаю. Так было месяц, два, три... Один раз я пришёл, а газеты моей не было. Девушка мне улыбнулась, но ничего не сказала. Хотя видно было – узнала, конечно, узнала, но заговорить постеснялась. Она была невысокого роста, в меру пухленькая, и вся такая ладная блондиночка. По видимости, крашеная. Думаю, свой цвет волос у неё русый, – размышлял я, выходя с вокзала. Тьфу, что за чёрт! Думаю ещё, какой у неё настоящий цвет волос. У Машеньки-Дашеньки какой-нибудь. И имя, наверное, у неё глупое!

Прихожу на следующий день, а вместо неё – другая, пожилая женщина. Я был в растерянности. Потоптался... А она мне так строго сказала. – «Вам что, молодой человек?» – я ответил робко, как школьник у сигаретного киоска – «Спорт экспресс». Она подавила улыбку и дала мне газету со слова-

ми: – «А Верочка простудилась тут на сквозняке. Всё-таки осень уже. Не место ей здесь. Она так только, на лето устроилась на подработку. Последние 2 недели дорабатывает».

Меня как громом поразило. Всё сразу. И то, что тётка меня признала за тайного почитателя Верочкиных крашенных волос, и то, что Верочки скоро тут не будет. А мне казалось, что всегда я буду начинать рабочий день с приветствия Верочки моей. Моей! Ну вот! До чего додумался – уже «моей»! Только узнал, как зовут, и сразу «моей»! Всё это моментально пронеслось у меня голове. Я схватил газету как нашкодивший мальчишка, и быстро пошёл прочь, ничего не ответив, но... выдав себя с головой. Наверняка, Верочке всё доложат. А может, она специально «приболела», чтоб меня рассекретить? Ах, презренная! – как сказал бы Отелло, – ухмыльнулся я. А может, она правда приболела? Ведь, восполенье лёгких, например, это очень серьёзно. Не дай бог что! Тут я совсем огорчился, что попал... попал на любовь, как пела из хрипящего приёмника неумолимая Сердючка.

И я очень рассердился на Верочку. Что она дорабатывает, что она меня как бы обманула, ведь я подумал, что она тут постоянно работает. И что она приболела, и что эта тётка мне сказала, что Верочку Верочкой зовут.

Я не пришёл в киоск на следующий день. Я думал. Как... как быть, и как Верке отомстить! – О-па! Уже Веркой она стала.

Ну и ладно. Верка, так Верка.

Пришёл через день. Верочка явно толи болела, толи из-за меня так. Тёмные круги под глазами, припухшие губы. Как от слёз. Здравствуйте, сказал я официально. «Спорт экспресс, пожалуйста, И после паузы добавил убийственное, «Верочка». Она вся просияла, заметалась. Не могла найти издание, улыбнулась, а потом рассмеялась. И тихо сказала, – «значит, это Вы вчера разговаривали с тётей. . . .»

Я пригласил её в кафе. Вернее, в пиццерию. Я страстно люблю пиццу. Зашёл за Верочкой в конце рабочего дня. Она нелепо вырядилась – на шпильках, в короткой юбке и дутой курточке по моде. Мы пошли.

«Как здорово! Я так хочу в пиццерию! Меня никто не водил ещё! – она тараторила и тараторила. «Ещё!» – подумал я, и почему-то зло. Значит, сразу настраивается на недолговечность отношений? Будет ей недолговечность! – пробурчал я про себя. Я вёл её сначала за руку. Потом под руку. Потом приобнял за талию, и никаких протестов от неё. Я знал, что она совсем молоденькая, что учится, и торчит на каникулах в киоске целые дни с утра до вечера. Жизни-то и не знает ещё. Но меня обозлила такая податливость. И не знакомы-то по сути.

Я говорю – «Какая ты милая!» А она только улыбается. А я так потихоньку сворачиваю с улицы во дворик. А она смотрит на меня, и не заметила. Только у двери парадной оробела, начиная понимать. А я ей уверенно – «Ну, что ты! У нас же любовь?!» Мы зашли в парадную, и она не знала,

как и что будет. Совсем смутилась и растерялась.

Минут через пятнадцать-двадцать мы вышли из парадной... Я прикурил, а она смущённо одёргивалась. Перевёл её через дорогу, взяв за руку, по инерции, и притормозил на остановке. «Тебе в какую сторону? До метро, или до вокзала?» – «А мы что, в пиццерию не пойдём?» – удивилась она, и глазки её слегка округлились. – «Да вроде уже и не надо. Зачем теперь в пиццерию. Уже всё было». – Лениво протянул я и зевнул.

Я больше не покупал «Спорт экспресс» в том киоске. «Ну, во-первых, он у меня в новую сумку не влезал. И к чему в руках его тащить, когда можно у самой работы купить? Раньше я у работы киоск просто не замечал, а теперь вот заметил. А во-вторых, сколько можно поднимать продажи в одном ларьке? Надо же и другим торгашам заработать дать». – Думал я, быстро пересекая вокзальную залу.

4. Диплом и немного секса

Наступил долгожданный момент. Последний курс института и... диплом! Эта дорога, от школы до диплома была не то что тернистой, а просто сплошными шипами и проблемами. Я окончила школу. В институт поступать не рисковала. Денег на платное образование не было, да и на взятки и подарки тоже. Пошла в училище, которое облегчало поступление в институт по нужному мне профилю. Но откусывало от моей молодой жизни лишних 4 года... Вот мне 21 год, я окончила это училище, отсидела за партой. Последний рывок! Поступить!

Родственники – мать и старшая сестра считали меня неудачницей и вечно упрекали, что живу на их грошовый счёт. Отец ушёл от нас, когда мы с сестрой были ещё школьницами. Мать работала на рынке. Торговля шла не шибко, и она стала попивать, чтоб согреться на ветру, да завела подруг – из соседних ларьков, соответствующих их торгашеской работе. Как женщина, мать давно поставила на себе крест, ничего не ждала от этой жизни, ни во что не верила. Думала лишь, что нам принести на обед, да чтоб переучёт прошёл без проблем, и что будет в новой серии «Большой стирки». Мне такая жизнь просто невыносима. Я стремилась к высокому полёту мысли. Не хотела провести остаток жизни на рынке. Мечтала о творчестве. Стать чем-то и кем-то...

Сестра же полностью повторяла мать, и была мне совершенно чужим по душе человеком.

Направление, которое я выбрала, вызывало в глазах матери и сестры ужас и осуждение. Наш профессиональный мир слишком тесен, так что не буду уточнять, что это было, но это касалось творчества.

Дома мне сказали, что готовы меня кормить, так как работать у меня не получалось. Ведь занятия на дневном отделе отнимали всё время – 6 дней в неделю. Но на большее обеспечение «такой дармоед как я рассчитывать не могу. И так денег лишних нет».

В какой-то момент, я думала что сорвусь. Я и так одевалась хуже, чем все, отказывала себе в малейших удовольствиях. Прокатиться на маршрутке было для меня событием, подорвавшим бы недельный бюджет выданного мне скудного содержания. Кроме того, в нашем учебном заведении мальчики были на перечёт, в основном учились одни девчонки, и конечно, такой как я, рассчитывать на мужское внимание не приходилось.

Постепенно я начинала тихо сходить с ума и заикливаться на одной мысли. Мне было уже 25! И никому! Не одному мужчине не была я нужна! В старом пуховике зимой, похожем на матрац, или в серой шерстяной кофте, поверх платья осенью... никто из мужчин не обращал на меня своего взгляда. В какой-то момент повзрослевшее тело настолько брало верх над разумом, что я ловила мужские взгляды в ав-

тобусе, и если бы хоть один из них обратился ко мне, такой неприметной и не аппетитной. Я бы пошла за ним на край света, что бы получить ЭТО.

Многие подруги уже повыскакивали замуж, а я всё ещё не знала, как ЭТО! КАК! Казалось порой, что все поглядывают на меня и посмеиваются про себя, над моей опостылевшей «чистотой».

Иногда этот ком откатывал от горла, и мне казалось, что вполне можно вести достойную жизнь и без секса. Но в такие праздники как новый год, восьмое марта или 14 февраля, я не могла найти места себе и своему несчастному телу, мне хотелось рыдать от одиночества, и казалось, что праздники эти придумали садисты, чтобы лишний раз поиздеваться над людским самолюбием одиночек вроде меня. Всё. Весь мир кричал об ЭТОМ. Целующиеся парочки в метро и на улицах, фильмы по телику, даже реклама, совершенно, казалось бы, не связанная с отношениями, всегда строилась на поцелуях, объятьях, и прочих проявлениях, так мучивших и раздражавших моё воображение.

Я читала любовные романы, ощущала себя их героинями, пыталась заполнить пустоту вокруг себя, но мысль что мне сейчас, срочно, нужно найти мужчину, что это изменит мою жизнь, делает меня такой же полноценной как все. Мысль о том, что все великие люди, о которых нам рассказывали в институте, творили под впечатлением эмоций, а сильнейшее из них – любовь... Эта мысль сводила с ума. Мне каза-

лось, что и осмыслить-то творчество их я не могла, потому что была не познавшей секс, то есть любовь, и понятия эти на тот момент казались мне синонимами.

Да! И ожидание, и полное отсутствие перспектив, знакомств, приводило меня в исступление. Тысячи раз я проклинала тот день, когда компания ребят из нашего класса во время выпускного вечера отправилась к Петьке домой. И меня тогда звали. Я знала, что эта за компания, что будет много спиртного, сигарет, танцы, и не пойми что. Вернее очень даже понятно что. И... Я не пошла! Побоялась мамы, постеснялась, короче говоря, дура! ДУРА! ДУРА! ДУРА! Повторяла я себе тысячи раз. Упустила свой шанс!!!! С этой мыслью я уснула в очередной раз под утро, в своей одинокой постели, и даже представить себе не могла, что занимавшийся день несёт мне неожиданный сюрприз.

Был конец ноября. Я начала недавно писать свой диплом. Проснувшись утром, и отправившись в институт, я не ждала именно в этот день чего-то особенного. Но меня остановил в коридоре педагог нашего факультета и сказал, что заранее обращает моё внимание: в нашей библиотеке недостаточно материала по моей дипломной теме. Или нужно менять тему, или... съездить в Москву – в наше отделение, и там посмотреть недостающие материалы. Я знала, как будут злиться дома, как попрекнут меня деньгами, которые неизбежно потянет эта поездка, но даже не раздумывала, и решила ехать.

В Москве у нас жили какие-то дальние родственники.

У них я и должна была остановиться. Наскрести денег на билет, на еду, так как ценник в Москве по сравнению с Петербургом явно зубастее, а ждать от родственников хорошего приёма не приходилось. Им тоже не нужны были «нахлебники», и так угол мне выделяли бесплатно.

Ради такого дела я попросила у подруги её старое зимнее пальто, что б выглядеть попрезентабельнее, и она, в добавок, напихала мне в чемодан своих юбок и кофт – «вернёшь, не к спеху!»

Я чувствовала себя словно маленькая школьница, когда на Московском вокзале кассирша выдала мне билет из Петербурга туда, в Москву, на встречу неведомому приключению! Когда мне любезно указали на входе в вагон, в какой стороне моё место, когда поезд тронулся, и колёса всё быстрее стучали, унося меня в неведомые края от всего, что так опостылело. Как это было здорово!

Стыдно признаться, но как догадался читатель моих мемуаров – дипломная проблема в Москве меня мало занимала... Красота города, в преддверии Нового года, яркие огни гирлянд, толпы людей на улицах, поток машин, общее веселье и оживление, которое царило на вечерней улице города, вскружило мне голову. Я чувствовала себе какой-то новой, смелой, раскованной, чуть ли не шикарной женщиной. Словно я приехала на выходные, на шоппинг или ещё не знаю зачем, а не на неделю, писать диплом, при милости на кухне у дальних родственников. Дни летели с невероятной скоро-

стью. Неумолимо близился день, когда я снова должна была отдаться равнодушному бегу поезда... Но, у меня ещё оставалось два полных дня и три ночи в Москве. В тот вечер я купила себе билет в Театр. Спектакль закончился, но на ночь лег возвращаться не хотелось. Я зашла в Пассаж. Великолепие витрин не привлекало меня. Всё равно эта роскошь мне не доступна. Я присматривалась к людям. Атмосфера праздника, предновогоднего ажиотажа, улыбки, эта милая суета. Я с трудом нашла свободное место и присела за столик в маленькой кафешке. Народ толпился. Зал гудел от стука каблучков и разговоров. И тут случилось нечто обыденное, но для меня заоблачное, невероятное, долгожданное, и не знаю, как ещё сказать об этом первом шаге, повернувшем русло моей однообразной жизни. Всё, что дальше я рассказываю, было словно не со мной.

Ко мне за столик подсел молодой человек. Поинтересовавшись, не занято ли место, он робко сел рядом, и я поняла, скольких усилий стоил ему этот решительный шаг. Он был совсем юным – лет 19 или 20. Его неумелый разговор, его смущение, его страх, что я могу обдать его холодом равнодушия и отправить обратно в толпу, всё это предало мне сил. Я была наверно на себя непохожа, если б кто-нибудь из знакомых увидел меня здесь, с каким-то посторонним мне молодым человеком, болтающую и небрежно играющую чайной ложкой. Я болтала как можно непринуждённое, рассказывала о своей поездке, о Петербурге, о том, что отдыхаю

здесь, хожу по театрам, осматриваю достопримечательности. Наплела о себя всяких небылиц, и постепенно я так вжилась в роль, что перестала из себя изображать нечто. Я стала для него этим нечтом. Он слушал меня, не сводя глаз, затаив дыхание, не перебивая, только редко выдавая своё восхищение короткими фразами одобрения. Кто бы мог ожидать такого успеха? Конечно, я была лет на пять, а то и больше старше его, но, увы... мои годы опыта мне не прибавили. Просто жизнь сжалилась надо мной и подарила мне этот вечер, этот праздник, хотя... или вовсе не мне – в чужом городе, в чужом пальто, в чужой одежде и с маской непринуждённости на лице, какому-то другому, скрытому до сели, я.

Мы гуляли по ночным бульварам, посидели в каком-то парке на скамейке, прошлись вдоль набережной. Всё было отлично, но мой ухажёр продолжал робеть, несмело держал меня под руку и говорил бессвязные комплементы.

В конце прогулки он проводил меня до дома, и мы условились встретиться следующим вечером.

Я не пошла в библиотеку, а целый день ждала пяти вечера, сидела как на иголках и отсчитывала, сколько часов, минут, осталось до свидания. Переводила эти минуты в секунды, и их убывающее с каждым часом число, заставляло сердце биться сильнее. Вечер прошёл так же восхитительно, но... Но завтра оставался последний день, а через день, в девять вечера у меня был поезд на Петербург. Мой кавалер словно позабыл, что пребывание моё в Москве неумолимо

подходит к концу. Он галантно распрощался со мной у парадной, и условился встретиться на следующий день.

День накануне отъезда. Что принесёт мне этот день? Я оделась с особой тщательностью. Мы встретились днём, не откладывая свидание на вечер, но наша прогулка до позднего вечера, не увенчалась даже поцелуем! Что за повальное невезение? Я уже не думала о бессмыслице этого маленького флирта. Я старше его, живём в разных городах, у меня учёба, упёртые родственники, он ещё совсем ребёнок... Перспектив никаких, и чем меньше мы привяжемся друг к другу, тем легче. Но этот мальчик, заставивший меня поверить в себя, пересмотреть свою скованность и самоуничтожение, почувствовать себя женщиной, он ДОЛЖЕН был до конца сделать меня счастливой!

Мы обменялись телефонами, и он обещался проводить меня на вокзал на следующий день. Кажется, только в этот момент он окончательно понял, как мимолётен был тот лоскуток счастья, что торопливый город отпустил нам без очереди. Свидание устраивать не было смысла. Утро должно было пройти в сборах, а потом, дорога на вокзал, и последнее «прощай».

Я не спала всю ночь. Собрала вещи. И, сидя на чемодане, обдумала, как я должна себя вести.

Я вызвонила его с утра, и напросилась в гости. Он сомневался, но родители его были на работе, квартира пустая, и он согласился, что последний раз «поболтать и выпить кофей-

ка, вполне можно».

Я приехала. Сначала, и правда, было кофе и разговоры. Потом он показывал мне квартиру и вид из окна. Когда мы добрались до его комнаты, я уселась на кровать и стала расхваливать как тут аккуратно и уютно. Он совсем раскрепостился, сел возле меня и стал рассказывать, что за безделушки на полках стеллажа, откуда что привезено, и когда. Тем временем я расстегнула пару верхних пуговиц на кофте, и когда он вновь повернулся ко мне, то был слегка сконфужен. Но я, прочитавшая столько романов о любви, я, столько мечтавшая, как останусь наедине с прекрасным молодым мужчиной, как он обнимет меня, как его губы сольются с моими губами, я притянула его к себе, положила руку ему на плечо, губы мои оказались напротив его губ, а глаза – в глаза. Мы постепенно раздевали друг друга. Он легко поддался моей игре, да и вообще оказался довольно умелым, не смотря на юность и внешнюю непорочность. Поначалу в силе его объятий было, пожалуй, нечто пугающее, будто не я соблазнила его, а он решил взять меня всю, без остатка. Но страх был мимолетным, и дальше мне казалось, что я проделывала все эти движения уже тысячи раз. Куда делось моё смущение? Мы даже не сообразили закрыть дверь в его комнату, я забыла о времени, об отъезде. Не думала тогда и о боли расставания. Просто мне было так сладко и хорошо, когда наши два обнажённых тела в полном изнеможении вытянулись на кровати, руки ещё были сжаты, а дыхание

частое, словно на пределе.

.....

Надо было торопиться. До поезда оставалось полтора часа. Мы вышли из его квартиры. Тело моё до сих пор ломило от сладостной истомы, а ноги едва передвигались. Я остановилась. – Покажи мне твоё окно! – он указал мне на освещённое лампой окно. – Мы забыли выключить свет уходя.

На подоконнике был небольшой силуэт.

– Что это?

– Это мой плюшевый мишка, в детстве ещё родители подарили.

Я посмотрела ему в глаза – мальчик он или мужчина!? В этом мишке за занавеской был он весь – нежный, трогательный, но... нерешительный. Как жалко, что он здесь, далеко, в Москве, этот мальчик с плюшевым мишкой на окне. Как жаль, что надо расстаться. Как жаль... Первый раз это «как жаль», всплыло у меня в сознании.

.....

В поезде мне не спалось. Не смотря на усталость и переизбыток впечатлений. Я ехала назад, но ехала на встречу чему-то новому, или я ехала обновлённой, повзрослевшей. Теперь я стала женщиной. Я познала. Я поняла. И груз комплекса моей отсталости и ненужности упал с плеч раз и навсегда.

Дома, распаковав чемодан, и наскоро ответив на расспросы своих, я ушла к себе в комнату, порылась в коробке

на шкафу, достала своего старенького медвежонка и поставила его за занавеску на окно...

5. Валька, или Жили-поживали, да пили, попивали...

Мать Валькина была родом из деревни. После войны приехала лимитчицей работать в Ленинград. Так и жила, скромненько, в общежитии. Валю нажила.

Работала, стояла на очереди – комнату отдельную получить. Жили не шибко хорошо, но не хуже чем многие. Валя окончила школу, с подругами на танцы в районный клуб к железнодорожной заставе ходила. Но все подружки быстро замуж повыскакивали, а Валя никак не могла выйти замуж. Была вроде не урод среди подруг, но одно обстоятельство приводило её в смущение. С юных лет она болела псориазом. Ни кофточку с вырезом не одеть, ни юбку короткую, ни на пляже не раздеться, ни в гостях нормально не посидеть – ничего нельзя есть. Строжайшая диета или обострение и короста на коже. Так и прошли студенческие годы. Кончила малярное ПТУ и устроилась на работу маляршей по отделке помещений, на стройку. Мужиков вроде хоть отбавляй, но ей было уже под тридцать, и неловкость от отсутствия личной жизни только усилилась. Стала Валя попивать, понемногу, но часто. Зазнакомилась с несколькими рабочими, и позвали они как-то её в гости, на день рождения. Валя пошла.

Три лампочки по 60 ват на потолке в старых плафонах, пельмешки с чесночком в кастрюле, салатик – огручики-помидорчики, в общем – туда —сюда, но с каждой новой стопкой на кухне с крашеными синими стенами, (краской, что в прошлом году на отделку парадных нового дома шла), кухня эта и обстановка становилась всё уютнее. И вот один из них, Олежка, завёл с Валеёй беседу известного характера. – Ты мол, Валька, баба вроде симпатишная, мужчинам нравишься, учёная, специальность у тебя хорошая, да и по дому как я смотрю салатика – да туда-сюда, всё умеешь... Что ж ты одна ходишь? Валеёй замаялась, покраснела, но пара рюмок, выпитых за здоровье Толика придали ей сил, и она сказала, что пока серьезных предложений ей никто не делал. На том разговор застопорился. Снова пили, Толика поздравляли, а потом и за то, и за это и за всё подряд. Одним словом, за общим столом свою тему не обсудишь.

На следующий день, встретив Валеёу на работе, Олежка предложил сходить вечером «куда-нить», и она согласилась. Уж очень он ей понравился. Да и тоскливо ей было без внимания мужского. Был в Олежке минус один, на первый взгляд смутивший бы при знакомстве – он заикался. Не сильно, но робел от этого, хотя с женщинами у него проблем не было.

Прошла неделя, и вот, Валеёя пришла вечером после очередного похода в кино к Олежику в гости. Посидели на общей кухне, и он пригласил её в свою комнатушку. Ждан-

но ли, гаданно, но когда дело дошло до... дела, расстегнув блузку и увидев красные пятна, он не удивился. – У тебя этот, как его? А вот и у брата моего тоже есть! И больше Олег про псориаз Валин не заморачивался.

И вроде счастье можно сказать привалило. Стали они вместе жить. Расписались. В тридцать-то лет жизнь только начинается.

Умерла Валькина мать. Остались от неё 3 ковра, купленных где-то удачно, 2 сервиза из комиссионки, кресло, стол, старая кровать, и пара картин, не раз видно затопленных верхними соседями, в аляповатых рамках, но всё равно хранимых зачем-то. Поплакала Валька, но жить дальше надо. Всё это добро, кроме кровати перевезла к ним в комнатушку, и там стало совсем не развернуться, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Жили они душа в душу, пили потихоньку, и Валя постепенно стала Валькой.

Хотели они ребёночка завести, но всё не решались – тесно в комнатке, места мало, не хотели ребёнка в ущерб растить. И на семейном совете было принято решение – делать аборт.

Погоревали, но что ж тут сделаешь. Олечка котёночка принёс из гаражей – мол, веселей нам будет! А Валька котов не любила, так что решили пристроить его по знакомым. Но никто не брал. Шла она с котёнком на руках от очередных знакомых. Думала, возьмут, а они тоже не захотели. Куда его деть? Видит, брёвна около пустыря навалены. Посадила она его на брёвнышки. Пищит котёнок, надрывается,

да и тропина не очень проходимая. Но Валька шла, не оглядываясь, а на следующий день его там не было. Может, взял кто, а может, он между брёвен провалился, этого теперь никто уж не знает.

Тем временем, стройтрест, в котором они числились, выделил им комнату побольше, в 2х комнатной всего квартире. С бабушкой-старушкой, уборщицей из треста, напополам. Детей после того раза оказалось, что Валька иметь не может. Ну, что ж делать. Доживать то уже вместе, ведь жизнь-то идёт, а они уже 12 лет в браке были. И стали они так жить поживать да пить, попивать. Валька совсем опустилась. Перестала волосы подкрашивать, одевалась неопрятно, одежду не гладила и редко стирала. После полуночных попок Олежка часто выговаривал ей, какая она баба худая. Крики и матерная брань сотрясала стены и разливалась по соседним квартирам. И дрались они чем бог послал. А в тот день бог послал Олежику, он сам не помнит что, но ударил он её по голове, и вышвырнул на лестницу в чем мать родила. А сам пошёл в квартиру проспаться. На утро пошёл на мировую, и решил Вальку пустить в дом. А она так и лежит, как швырнута была. Оказалось, что её парализовало, и попал он ей очень удачно, а именно – в область мозжечка. Странно, что голову совсем не проломил. Стал Олежка за Валькой ухаживать, кормить, поить, горшки выносить. Любить и беречь, одним словом. Ей инвалидность в 43 года дали, и пенсию платить стали. Олежка подшился, и работал сторо-

жем на складе. (Стройка государственная к тому времени закрылась, в связи с перестройкой). А Валино с Олегом время словно остановилось. Жили они так ещё лет 11 – 12, хорошо, без перемен. Он работал, она постепенно ожила и стала по дому на костылях передвигаться, еду к его приходу готовить. Даже котика завели, как он мечтал. При каждом удобном случае Валя хвалилась соседкам. – У меня ж такой муж! Куда б я без него, я ж инвалид! Не хожу никуда. И продукты сам купит и по дому поможет! Хозяйственный!

Олег вышел на пенсию, и продолжал подрабатывать. Валя снова стала Валеёй для соседей, и все постепенно позабыли их пьянства и разгулы. Но тут то всё и случилось. Умерла старушка, что в соседней комнатке жила, и Валя с Олегом стали обладателем её 8ми метровой комнаты, а, следовательно, всей 2х комнатной квартиры! Можно сказать, что сбылась их мечта.

Тут бы и сказке конец, но видно котёночка с брёвнышек никто не подобрал, или комната должна была им достаться, что б ребёнок, которого они не завели в ней жил...

Олег купил новый телефон, и поставил его во второй комнате, «что б жёнка моя на костылях могла всегда к телефону по квартире поспеть, где б ни была!», – похвалился он. И они выпили за это вечером. Валя выпила всего чуток, но голову ей повело, и два дня она лежала, не вставая на костыли. Потом стол на кухню новый купили, вместо общественного,

«коммунального», и снова выпили. Потом краны в ванной поменяли, потом линолеум в передней, потом бра в маленькую комнату приобрели, потом ещё что-то, и каждый раз обмывали покупку. Олег «расшился», ушёл в запой, с работы его выдворили, а пенсии у них стали кончаться всё быстрее, и через некоторое время уже в середине месяца Олег бежал продать что-нибудь из дома возле ТЦ – на бутылку. Постепенно исчезли занавески с окон, может проданы, может содраны за ненужностью, ковры, что от матери Валькиной остались и сервизы, и мелочь всякая, что постепенно приобрелась. Кот удрал в подвал от беспокойных хозяев. Соседи снова стали звать их как прежде, только на особый манер – Валькой-пьяницей и Олежиком Валькиным.

В одно прекрасное солнечное утро в парадной пахло гарью, и Клавдия Иванна с третьего этажа, что работала бухгалтершей когда-то на одной стройке с Валькой и Олегом, вызвала пожарных. Языки пламени высовывались из окна кухни и одной из комнат их квартиры. На звонок они не отзывались. Выбили дверь. В горящей комнате было двое угревших, закуривших спьяну, и опознания не потребовалось. Это могла быть только Валька с Олежиком своим.

Теперь там живут совсем другие люди, сделали ремонт, и история про Вальку и Олежика никого в парадной больше не занимает.

6. Шесть раз

Наступил этот момент, когда за плечами 30 лет жизни, и было вроде очень много всего. Много, потому что не можешь уже припомнить, и тем более выстроить по порядку радости, горести, и всех мужчин, которые остались где-то там, просто бессмысленными страницами. На деле, все это пройденное оказалось пустым. Ничего стоящего после меня пока не осталось, не устроена личная жизнь и не выбрано какое-либо правильное русло, чтобы и вторая половина жизни не прокатилась мимо. Ведь после тридцати как никак уже не молодеешь...

Но когда же наступила эта взрослая жизнь? Может быть, когда я почувствовала себя взрослой оттого, что без мамы стала покупать себе нижнее белье? Настоящее женское, с дешевым синтетическим, но все же кружевом, а не хлопковое с толстыми швами и подростковым раскрасом. И в тайне носила чулки вместо колготок. Хотя кроме меня никто тогда не видел – какие они – кружевные резинки на моих чулках. Но это уже, как казалось мне, было первым правильным шагом в направлении взрослой жизни.

Или когда мне казалось, что в мои 16, почти 17, оставаться девственницей просто неприлично. А так как мальчишки-сокурсники болтливы и глупы, мы разработали с подругой грандиозный план. Пойти в ночной клуб, разыграть

из себя бывалых девушек, и с тем первым, кто вызовет доверие и поведется на наши заигрывания, распрощаться со своим «детством». Машка всегда была в идеях впереди меня. С ней не соскучишься. Такая верная и умная подруга, что лучше просто не сыскать. И на этот раз её план тоже удался. Почти. Только, как показалось сначала, Машке повезло немного больше. Случайный приятель оказался ещё и с машиной. Авторитет его как водителя, несмотря на выпитые пару рюмок, не вызывал сомнений. Ведь он был не какой-то пацан, а взрослый мужчина. И через пол часа обжиманий в углу возле окна, они покинули клуб вместе. Кататься поехали. Забегая вперед, цели своей она достигла, но вышло все не так красиво, как представлялось. Выпивший ухажер принял неопытность за отмазку, и действие было совершенно в весьма грубой форме. После чего она – «разовая девица, которая сама не знает, чо ей надо», как он выразился, и «до „работы“ я тебя довез, а дальше сама». – Была выставлена из машины и осталась стоять ночью, на шоссе за КА-Дом, глядя в след удаляющимся фарам, потирая пару синяков, и одергивая непоправимо погубленные стрелками новые капронки.

Тип, который вызвался угощать меня, оказался и вовсе очень душным и неприятным. Разговор вообще не клеился, потому что на уме у него был только футбол и разборки с «черножопыми», которых он ненавидел пуще, чем любил футбол. Потому-то он и любит ходить именно в этот клуб.

Потому – что «сюда такие не суются». Иначе бы «он за себя не ручался, и навалил бы им по самые некуды». То есть «ему бы уже было не до романтики». – Говорил он, слащаво улыбаясь желтыми неровными зубами. А подобное общение, как складывалось у нас с ним – видимо являлось в его глазах верхом романтизма.

После пары рюмок его повело. Он стал пошло и противно лапать меня за грудь. Я уже жалела, что ввязалась в эту авантюру. И у меня было только одно желание – слинять отсюда и обходить всю дальнейшую жизнь это неприятное заведение за 10 кварталов. Но, так как при нашем появлении, мы с подругой вели себя весьма не двусмысленно, то и сорт мужчин, которые клюнули и взялись нас угощать, тоже был определенным. Расплатиться самостоятельно за употребленные коктейли денег у меня, конечно, не было, и пришлось смириться с мыслью, что эту грязную игру придется доводить до конца. И так как ехать неизвестно куда, для «удовольствия», которое, как выразился мой «кредитор», «должно было последовать после проведенного вечера», мне было страшно, я согласилась «провернуть все быстро в кабинке уборной».

Пожалуй, самое невыносимое было то, что после всего пережитого у меня не было денег купить водки, чтобы утопить в ней пережитое...

В маленькой тесной кабинке, в тандеме – я, пьяный мужчина и посредственной чистоты толчок, устроиться хотя бы

с минимальным удобством было невозможно наверно даже для опытной женщины. В случае же моей полной неопытности какое-либо слияние двух плохо балансирующих над унитазом после всего выпитого тел было бы просто фантастикой. Попробовав подступиться ко мне так и сяк, начинавший уже психовать, мой партнер грубо, нажав рукой на мою голову, опустил меня вниз. И я, изгибаясь под его натиском, с отвращением, что б не упасть на колени, цепляясь руками то за его жирные ляжки то за липкий металлический стульчак, захлебываясь слюной и давясь рвотными позывами, выполняла ртом то, что в фильмах пропагандируют как один из видов совместной любви. Выполняла, не имея шанса прервать процесс, так как он крепко и бесцеремонно держал руками мою голову, контролируя таким образом удобную ему скорость и развитие процесса... словно это была вовсе не человеческая голова, а, например, резиновая лягушка для прочистки ванной.

Когда он закончил, как только я смогла высвободить голову, так меня вывернуло. Я даже не успела отвернуться к бацку и изгадила туфли своего мучителя. На что он разразился в мой адрес отборной бранью, пнул меня ногой в сторону унитаза и вышел вон из кабинки, продолжая материться...

Так закончился для меня первый совместный по взрослому вечер с мужчиной.

Проблему свою я не решила. Даже наоборот. Мое мнение о приятности и важности секса в жизни женщины в корне

изменилось. И в продолжение полугода я даже и подумать не могла о повторении попыток завязать интим. Да и рассказ Машки о том, что сильного кайфа от подобных отношений на деле нет, утвердил меня в моей правоте. Конечно, на первый взгляд ей хотя бы повезло достичь поставленной цели. Как она сама хвасталась – «все-таки я получила свой билет в жизнь. Теперь у меня все закрутится! Только держись!» И все действительно закрутилось. Только не в ту сторону, в какую хотелось. Ещё несколько раз Машка посещала этот «миленький клубешник», как она его называла, но уже без меня. Чтобы мое скучное общество «не отпугивало настоящих мужчин», как выразилась она однажды. И упрекала меня – нужно не раздумывать в отношениях, не высматривать с седьмого или десятого раза, как я. Потому мне никогда не повезет. А выбирать из того, что есть и жить проще. – Точно тебе говорю. У меня чужалка всегда хорошо работает. Как и что будет. – Гордо добавляла она.

И ей везло в такой любви с первого раза, то есть, на один раз. Каждый раз находился желающий провести с ней вечер, или даже целую ночь. Коктейлями её поили бесплатно, и на танцплощадку не нужно было долго ждать приглашения. И несколько месяцев она упивалась счастьем этой замечательной взаимности. А я осталась совсем одна в этом мире. Потому что, сколько не предлагала я Машке, как раньше, зарулить в кино. Или прогуляться по магазинам и посидеть в МакДональдсе, она и на это не соглашалась. Все-

гда была занята. Видно её полностью затинула эта взрослая жизнь, с которой у меня так не клеилось.

Да, конечно, мне было завидно. Но после первой неудачи, я все не могла переступить комплекс отвращения к сексу и попробовать второй раз. Зато мне повезло в другом. Счастье Машкино закончилось через несколько месяцев довольно неприятно. Ей пришлось лечиться от целого букета неприглядных болезней. С родителями у неё вышел скандал страшный. С курса она ушла в академку – то ли из-за лечения, как хихикали однокурсницы, то ли на перевоспитание, но мы с ней окончательно потеряли друг друга из виду.

Да... Повезло получается больше мне. Хотя бы лечиться не нужно. И с родственниками не вышло проблем. К счастью, кроме Машки никто не знает о моем позорном опыте.

На последнем курсе я все-таки решила повторить попытку сближения. Но это не должен был оказаться случайный мужчина. Наоборот. Я решила приглядеться. Изучить характер и повадки объекта, чтоб обезопасить себя от такой напугавшей с первого раза, грубости. После долгого взвешивания, я остановила свой выбор на сокурснике из параллельной группы. Он учился средне и ничем из толпы не выделялся. Главное – не крутил романов то с одной, то с другой. И девчонки на него не вешались, а значит, конкуренции точно не следует опасаться. Потому что быть второй для меня не вариант. Ведь я совсем ничего не умею, и точно не смогу удержать его

при близких отношениях, не будучи шикарной женщиной.

Я сделала первый шаг. Подсела к нему на соседнее кресло в рекреации. И даже сказала что-то типа «завалил-таки меня профессор по экономике на зачете. Надо было в выходные не в кино развлекаться, а раздобыть конспект». Посетовав таким образом, я предотвращала возможное восприятие меня как заучку. Ведь одевалась я скорее как хорошая домашняя девочка. Карманных денег у меня был минимум, а родители совершенно не смыслили, как необходимо одеваться, чтобы появилась «личная жизнь».

– Да... Не повезло. – Нудно протянул он. И разговор заглох, не успев начаться. Потому что на этом он замолчал. Я тоже впала в ступор и не могла изобрести ни одной фразы, которую ещё можно было бы сказать. Не возникало никакого эмоционального посыла. И из-за такой неловкости хотелось просто встать и уйти не прощаясь.

Но я не сдавалась. Упорно вбивала себе в голову, что я влюбилась. Должна же я была, наконец, влюбиться. Ведь все же влюбляются. Он был очень правильным кандидатом для этого. Да, может не очень красив и скучноват. Иногда, когда я глядела в его глаза, он даже напоминал мне эдакое унылое травоядное животное. Зато спокойный, не придется бояться, что он придумает какую-нибудь шуточку и высмеет меня на весь курс. Или что-то неприятное в этом роде.

И теперь, «случайно» встретив, я поглядывала на него чуть исподлобья, как бы намекая таким образом. – Мы свя-

заны некими невидимыми узами. Узами любви!

Через пару недель я уже наизусть знала расписание его группы. У какого кабинета он может сидеть в перерыве между лекциями. С кем дружит. Во сколько заканчиваются у него уроки, и на какую остановку он идет.

Помогло неожиданное обстоятельство, когда наш преподаватель заболел и всю нашу группу отправили на лекцию совместно с его группой. На этом занятии целая цепь совпадений, ниспосланных провидением, дала мне возможность раскрутить Максима на общение таким образом, что после урока мы шли вместе в сторону остановки. «По пути».

Ведь я знала, на какую ему остановку, потому могла при-
вратить свой маршрут так, как было выгодно.

Всю дорогу мы разговаривали. Вернее, я из кожи вон лезла, чтоб заинтересовать его. Рассказывала о себе всякие небылицы, чтобы не показаться скучной, без изюминки. А он слушал, и отвечал односложно – «Да..., ага,... ааа,..... прикольно...». Но в любом случае он уже не молчал, и так расположился ко мне, что даже проводил в метро и подо-
ждал, пока я сяду в вагон в сторону Спортивной. И помахал мне рукой, когда я стояла, прижавшись к стеклянным дверям вагона.

Дальше я смогла спокойно выйти из вагона на Спортивной, и поехать совершенно в другую сторону, куда мне собственно и надо было ехать. Если б не это начало флирта, «по пути».

Так я и зацепила Максима. Мы стали регулярно общаться. Он иногда провожал меня до дома. Теперь уже до настоящего дома, подтрунивая над тем, как я поехала первый раз с ним, будто бы по пути.

Приглашал в кино, и мы шли в третий раз смотреть один и тот же фильм. Потому что, если фильм Максиму нравился, он мог пересматривать его, пока тот не снимали с проката... И был уверен, что и мне это интересно.

Или звал прогуляться в выходной по парку, если позволяла погода. На дворе была поздняя осень. Такая, что на скамеечке в парке не помечтаешь. Скорее бы весна. Не нужно будет столько одежек. Я всегда комплексовала от своего бесформенного вида в толстом пуховике. И не придется высидеть в кафе, под злобным взглядом официанта, отпивая чай или кофе по глотку раз в пол часа, чтоб подольше посидеть рядом на мягком диванчике. Жаль было, что к себе домой мне его было не позвать, так как у меня не было отдельной комнаты. И он почему-то тоже никогда не звал меня в гости. Но на данном этапе мне хватало для полного восторга, что мы держимся за руки, что он называет меня «своей девушкой», и поцелуи в губы не в засос не казались робкими и недоделанными. А наоборот. Настоящими. Любящими.

Зачем торопить события, калечить счастье неприятностями, связанными с интимом. Ведь это как-никак нужно только мужчинам. Женщинам и вовсе не надо. Только чтобы не огорчать любимого. – Рассуждала я, ожидая его в очеред-

ной раз у входа в кинотеатр.

Порой у меня закрадывалось сомнение на счет – так уж мне было бы неприятно, если б случилась эта самая близость с Максимом? Время лечит, и неприязнь, связанная с воспоминаниями о предыдущем опыте, постепенно стиралась из памяти.

И вот наступил тот самый день, который мог вывести на новый уровень наши отношения. Его родители уехали на Новогодние праздники. Он остался почти полновластным владельцем квартиры на 5 дней. Попролам со своим старшим братом. Решено было, что я приеду к нему, и мы будем вдвоем встречать Новый год. Родичи очень не хотели отпускать меня под всякими предлогами. Мама даже стала придумывать разные суеверия, мол, праздник семейный, нужно быть вместе с семьей. А то – как год встретишь, так и проведешь. Но я сумела выпросить разрешение и приехала к Максиму в десять вечера. Момент встречи Нового года прошел отлично. Я привезла, заботливо приготовленный мамой «на вынос» оливье. Мы разогрели пиццу. Да... Надо начинать учиться готовить. Раз пришлось родиться женщиной. Секс и кулинария неизбежные процессы женского бытия. – Подумала я с тоской. Готовить я совсем не умела, и мне это казалось чем-то невероятно сложным и скучным.

Максим открыл шампанское, расставил на полу свечи. Постелил на паркет мягкое покрывало и разложил декоративные подушки. Потом выключил свет и зажег подсветку

на елке. Мы уселись на покрывало по-турецки и замерли с шампанским в руках. Зря я так о нем думала. «Травоядное животное» никогда бы такое не придумало. Все очень романтично. Значит, он любит меня. И тогда я тоже буду его любить.

Президент прочитал свою торжественную речь. Вот они – 12 ударов курантов, когда нужно успеть загадать желание, и оно непременно сбудется. Пузырьки шампанского защекотали в носу. Раз, два, три. Тут я сбилась, который уже удар, начиная лихорадочно формулировать желание. Надо уже не думать, а загадывать! Но загадать я так и не успела, потому что не подготовилась к этому серьезному делу заранее. И теперь разрывалась. С одной стороны, когда ещё представится такая возможность – быть вместе, вдвоем. Как настоящая пара. И надо было загадать это. А с другой, я ждала какого-нибудь подвоха. Приступа неприязни, или мужской грубости в этот, такой пугающий для меня момент. И не могла сформулировать чего все-таки хочу.

Какое-то время после курант мы сидели молча. Каждый, уткнувшись в свой бокал с шампанским. Максим видимо робел. Не решался приступить к ласкам. Но распитая бутылка шампанского нас раскрепостила. Он стал целовать меня. Уже не робко как всегда. А настойчивее. Это не было очень приятно, потому что мне было больно от его зубов, соскальзывающих и сдавливающих мой рот и ударяющихся о губы. Видимо, он тоже не умел целоваться. Ну, ничего. Зато не со-

чет меня неумехой. Но эти, продолжающиеся кажется целую вечность, поцелуи меня утомили. Я только и думала, не останутся ли у меня следы на губах от них и не отколет-ся ли у меня кусочек от какого-нибудь из зубов. Как у одной одноклассницы. Когда у неё сорвалась зубная щетка во время чистки зубов и откололся кусок зуба... А он все целовал и целовал, и дальше поцелуев дело не двигалось. Тогда я высвободилась от него. Откинулась на подушки и стала расстегивать блузку. Сначала он замешкался, потом сообразил и стал помогать мне. Но блузка-то была нарядная. Пуговицы были мелкие, и их было много. А петельки для пуговиц были и вовсе крошечные. И его неуклюжие крупные пальцы подолгу не могли справиться с каждой очередной пуговицей. Он напряженно сопел, и пыл, который должен был разгореться после затяжного поцелуя, рассеялся совсем. Наконец, с пуговицами было покончено. Когда мы оба были раздеты, и он навалился на меня всем телом, возникла мысль, что я могу задохнуться. Или у меня поломаются ребра и меня дома заругают, со сломанными ребрами. Но я дала себе слово стерпеть все, ради этой нашей любви. Сколько же нужно будет так продержаться. Сколько это обычно происходит. Боже, как я буду жить дальше, если я родилась женщиной и мне нужно будет выйти замуж и терпеть эту процедуру регулярно. Может даже каждый день.

Я лежала зажмурившись. Не шевелясь. Еле успевая перехватывать воздух. Закусывая от боли и так уже разбитые

во время поцелуев губы. Как если б меня положили на операционный стол и сказали. – Ну, неприлично так бояться. Всем когда-нибудь приходится делать клизму. Или, например, глотать кишку. Или сдавать кровь из вены. Не мешай доктору. Нужно просто немного потерпеть.

Интересно, ему так же больно как и мне? И я вспомнила свои болевые ощущения, когда по маминому велению, фаршировала яблоками недоразмороженную утку, и мою руку больно обжигали холодом и царапали оледеневшие ребра в её недрах, а мне нужно было затолкать в неё несколько больших яблок. И я это сделала. Хотя казалось по началу, что и одно-то не затолкаю, такое маленькое было отверстие и такая сдавленная и смерзшая внутренняя емкость. И утка несколько раз вырывалась из рук и падала то на пол, то в раковину, выталкивая на лету из себя то, что с таким трудом удалось недавно запихнуть. Прежде чем мне удалось втиснуть в неё все требуемое. Правда, утке уже давно не было больно. Она ведь была мертвая и замороженная. Он мог бы со мной и понежнее. Ведь я же не утка, я живая! Возвращаясь из воспоминаний в реальное время подумала я.

На часах не было ещё и пол первого, а мне казалось, что прошла целая вечность, когда он слез с меня и стал натягивать прямо так, на голое тело, джинсы. Смущаясь своей наготы.

Зря. Зря я терпела. У нас не вышло. Видимо я какая-то

неправильная женщина, если уже у второго мужчины не получается сделать то, что надо всем мужчинам.

Я последовала его примеру и, пряча глаза, стала быстро одеваться. Пуговицы на блузке не поддавались. Хотелось рыдать. Нужно было что-то сказать. Но я не знала, что говорят в таких случаях. Тогда, памятуя, свой «первый раз», я на свой страх и риск, потому что если меня, например, вырвет тут, прямо на покрывало, это будет ужасно, сказала ему, что «в прошлый раз в такой ситуации я..эээ... все же смогла доставить партнеру удовольствие, и что можно попробовать». Но его это взбесило, он нагрубил, что не знает, что ещё мне после всего нужно. Что я – бревно, и невозможно нормально что-либо сделать. И вина, в том, что сейчас произошло, полностью на мне, а не на нем. После чего обозвал.

То есть он даже не оценил мой порыв, хотя наверняка не испытал и половины моих болевых ощущений. Сдерживаться больше не было сил. Я зарыдала.

В телике кто-то пел и шутил.

Максим ушел из комнаты на кухню, прихватив с собой салатницу с оливье. А я так и сидела. На покрывале, в криво застегнутой кофте. И ревела ещё с пол часа.

Если бы у меня осталась хоть капелька самоуважения, я бы немедленно ушла. Но домой ехать сейчас я никак не могла себе позволить. Родственники все поймут. Или надумают ещё хуже, чем есть. Что меня, например, изнасиловали. Они же не знают, что ни у одного мужчины это не по-

лучается, потому что я не умею.... Тут я снова зарыдала.

А просто пойти ночью на улицу не могу, боюсь... Или пойти? Нет. Пусть все кончено, но я как минимум останусь тут до утра.

А ведь говорят, как год встретишь, так и проведешь. Неужели и в этом году у меня не заладится личная жизнь. Не смогу я влюбить в себя мужчину. И что, может ещё, и рыдать весь год буду? И подумав все это, я продолжила рыдать. Упав ничком на покрывало, под лихие трели телевизионного новогоднего огонька.

Утром первого числа, ввалился старший брат Максима. И увидев, что у нас разлад, стал со мной заигрывать. Я отмахивалась, но так как он был изрядно пьян, то не обижался, а наоборот. Его раззадоривала моя детская плаксивость.

– Да ладно тебе. Ну, чо вы тут поцапались. Типа, расстались? Ну и ладно. Ты – девка хоть куда. Вот мы сегодня с пацанами на дачу едем тусить. Целой кампашей. Хочешь – езжай с нами, если предки достали, и не торопишься домой.

Я, конечно, не любила этого Лешку. Вообще, видела его первый раз. Но и Максима, я видимо не любила. Если так все вышло. И потому я согласилась. И, пересидев у них в квартире до вечера, пока у парадной не просигналила развалющая «Волга», я гордо вышла вслед за Лешкой. Так и не сказав Максиму с момента нашего расставания ни слова.

В «Волге» уже сидели – какой-то пацан лет 25 за рулем и две сильно надушенные и изрядно выпившие девицы

на заднем сидении. Я уселась рядом с ними. А Лешка сел на переднее сидение. Потом мы заехали ещё в пару соседних дворов и «добирали чувачков», как выражался Лешка.

До этого момента я не знала, что в «Волгу» можно уместить 8 человек, включая водителя.

В такой давке ехали довольно долго, но весело. Ребята и девушки все были знакомы между собой. Бесперывно хохотали, тузились, целовались. Начали отнимать у водителя шапку, пока он не рявкнул, что сейчас мы вылетим в кювет, и вся веселуха закончится.

До места доехали все-таки без кювета, и когда я оказалась в натопленном бревенчатом доме, где пахло дровами, смолой, жареным мясом и спиртными напитками, то казалось, что лучше ничего не было в моей жизни. Так было уютно. Вся компания балагурила, суетилась по дому, готовила закуски, не забывая при этом отхлебывать водку, вино и соки. А я, после бессонной ночи, с больной от рыдания головой, уже ничего не воспринимала. Присела на низенькое кресло в уголке и уснула.

Разбудил меня громкий всплеск смеха. Вся кампания сидела вокруг стола, и празднование было в самом разгаре. Я пошевелилась, в кресле подо мной запели пружины, и на этот инородный звук обернулись все глаза. Про меня видимо забыли, так как я была не запланированным звеном на этом празднике.

– А ты чего сидишь? Давай, налетай, коль приехала. Ты

чь? – бесцеремонно сказал мне тот, что был водителем, гостеприимно махнув рукой в сторону стола.

– Я... эээ... с Лешой приехала.

– Ах, с Лешой? А мы-то думали, у Лешки Катька, а тут, оказывается, ещё одна красотка наклюнулась, смотри как!

В этот момент та, что наверно была Катька, обвивавшая Лешку подобно змее, посмотрела на меня с недовольством. Но когда я покраснела и стала пытаться оправдаться, вся компания дружно захохотала.

– Да ладно, мы так, пошутили. Садись за стол, а то скоро все съедим без тебя! И попробовать не успеешь!

Праздновали так мы два дня. Я постепенно влилась в компанию, стала включаться в разговоры, а не просто отмалчиваться на краю. Неудача новогодней ночи, ещё не конец света. Не будь этой неудачи, я бы не оказалась сейчас здесь. И кто знает, какие возможности откроют мне эти новые знакомые. Ну и пусть я потеряла парня, но наверно это была ошибка. Не любовь. Жаль, что этот Лешка уже нашел девушку. С ним бы мне было весело. И я наверняка бы влюбилась в него... Зачем же он вообще тогда меня пригласил! Раз у него уже есть девушка. Почему мне так не везет.

Третьего числа утром пацаны выкопали припаркованную в сугроб оледенелую «Волгу». Завели её с трудом, толкая всей оравой по нечищенной дороге. Все мы заняли места, вернее набились вповалку, и так поехали обратно в город.

Я поняла, что знакомиться с кем придется, пытаться влю-

биться, лишь бы влюбиться бессмысленно. Ничего из этого не получится. Тут нужно по настоящему увлечься. Как например я увлеклась Лешей. Потому что за эти два дня я ясно видела – будь я на месте его Катьки, я бы была абсолютно счастлива. Везет же кому-то.

Теперь мне остается только пережить потерянную прежнюю любовь, к Максиму, и ждать, когда встречу кого-нибудь похожего на Лешу.

И мне действительно посчастливилось. Я встретила. И не кого-нибудь. А весной, во время выпускных экзаменов к Максиму, с которым мы с тех пор не здоровались, в институт заехал Лешка. Я столкнулась с ним нос к носу в дверях и очень обрадовалась. Помня, что он человек легкий в общении, не скрывая радости, я подбежала к нему.

– Привет! Как я рада тебя видеть!

Он удивленно повел бровью.

– Да? А мы знакомы?

Я быстро и сбивчиво стала ему напоминать —

– Ну, Новый год же вместе встречали на даче. С компанией. В домике за городом. На «Волге» ещё ехали, и когда надо было возвращаться, её никак не завести было. «Волгу».

– А, Новый год. Ну ладно. Знакомы, так знакомы.

– Да... Весело так было. Я до сих пор вспоминаю этот Новый год. – Уже теряя заряд бодрости и конфузясь, лепетала я. – Жаль, Новый год только раз в году... Поедешь ли ты... Вы на следующий Новый год туда?

– На следующий? Ну, ты загнула! Ещё пол года впереди, и кто ж знает, что будет. Хотя... можно и без Нового года устроить праздничек. Почему бы и нет. – На его и без того хитром лице, заиграла интрига. Он что-то прикидывал. – А знаешь, что? Поехали сегодня вечером кататься. Я раздобуду какую-нить тачку, а если повезет и ключи от хаты. Едем?

– Да, конечно! – Я просияла, не в силах скрыть свои эмоции.

Остаток дня прошел в подборе что надеть. Меня беспокоила только одна мысль, а как же эта Катька. Может они расстались уже за пол года. Но лучше его об этом не спрашивать.

Я пришла в условленное место. Леха опаздывал. И я уже думала он не приедет, но он все-таки появился на старенькой девятке зеленого цвета и торжественно погудел.

– Куда поедем?

– Да за город. Я ключи от хаты за городом на сегодня раздобыл. Да и прав нет, так что лучше в людных местах не кататься.

– А если нас гаишники поймают. Как же мы поедем?

– Слушай, машина везет. Твое дело сидеть, а мое дело рулить.

Я молчала, пытаюсь проглотить обиду от такого нравоучения. Вспомнить, как влюбилась в него пол года назад, и попытаться снова влюбиться.

Он врубил радио рок на полную катушку и шпарил,

не ограничивая себя соблюдением скоростного режима.

– Леха, ты не боишься – скорость так нарушать?

– Да чо бояться-то? Тачка не моя. Если и штрафанут, то с хозяина, потом. – И он хитро подмигнул мне. – Не парься сама. И мне мозги не лечи. Все нормуль. Я отвечаю.

Нам повезло. Никто нас не поймал и не оштрафовал. Нас ожидал приют в небольшом домишке вроде того, в котором справляли Новый Год. В холодильнике заботливо были припасены пельмени и пиво. Мы поужинали. Леха врубил футбол и разлегся на диване, даже не сняв кроссовки.

– Леха, испачкаешь же диван, ... – Но он посмотрел на меня так кисло, что я не договорила

– Слушай, ну чо ты все лечишь меня. Ну ладно тебе. Ты лучше давай. Иди сюда. – Он взбил рукой соседнюю подушку.

Я поняла намек и прилегла рядом, все же сняв туфли.

– Эээх, продуют. Явно продуют, сказал он в середине матча. Можно и не досматривать. Да и поздно уже. Ну, давай. Ложиться пора. Как ты хочешь?

– Что?

– Ну, как будем? Ты сверху или я?

– Я..эээ.. я не знаю. Не пробовала ещё так.

Он вытаращил на меня глаза. – В смысле, «не пробовала так». Так все пробовали, а ты как тогда пробовала?

Я растерялась и просто не знала, что говорить. Между тем, он уже разделся и залез под одеяло.

– Может белье поменять, дом же не твой. Как же тогда мы... – Начала я, вспомнив Машкину историю с болячками.

Тут он перебил меня,

– Слушай, ты чо издеваешься, или реально тупишь? Ладно, давай просто спать. Ты реально утомила, и меня уже рубит с пива. Утром займемся. – Сказал он, зевая, и вырубил телик.

Я выключила свет. На ощупь сняла джинсы, отогнула край одеяла и как была, в белье и бадлоне, аккуратно прилегла с краю. Чуть не скатываясь с края кровати. Чтоб как можно больше увеличить расстояние между нашими телами. Я уже ничего не хотела и думала только об одном – только бы он не стал пытаться пристать ко мне. Но он уже храпел во всю. А я так и лежала. Вглядываясь в темноту, замирая от каждого шороха за окном и чуть дыша. Лишь бы его ничего не разбудило и он проспал до утра. А утром я скажу как есть, что не умею. И попрошу его не трогать меня.

Начинало рассветать, и как бы не была я взвинчена, усталость взяла свое. Я уснула. А проснулись мы не по своей воле. А от того, кто кто-то резко сдернул с нас одеяло и зло кричал:

– Ну, ты вообще, без совести. Выпросить у Катьки ключи и на нашу дачу с девкой притащиться. Ну, ты парень не промах. Я и Катьке уши надеру, что в бордель дачу нашу превратила. И тебе, за то, что с моей дочкой так, сейчас устрою. Надо бы выкинуть все ваши шмотки, чтоб вы оба, в чем мать

родила, по улице бегали. Пусть люди смотрят! – Пусть люди смотрят! – Надрывался отец этой самой Катьки. – Нет, Вы посмотрите на этого прохвоста. Развалился на моем диване, (.) – дальше следовал неповторимый матерный поток.

И мы, как застигнутые врасплох воры, наскоро натягивая джинсы, не знали в какую сторону бежать, а он все крыл и крыл нас почем зря.

– Знаешь, иногда, когда я вспоминаю эту свою молодость. . . Мне кажется, что это все было вообще не со мной. В другой жизни. Сейчас я бы никому не разрешила так вытирать об себя ноги. И хотя все это научило меня раз и навсегда некоторым жизненным истинам, но иногда становится так нестерпимо обидно. Что не изменить этого всего, что все те, кто нагадил мне в душу не получили тогда отворот поворот. При попытке сделать мне больно. Вот и сейчас. Когда я встречалась с Николаем. Я не верила ему. Понимала, что он не любит меня. Что это просто показуха. Потому то, что он сделал, не резануло меня. Я вообще ничего не почувствовала. Ну, расстались и ладно. Мужиков как грязи. И в тридцать, как говориться уже знаешь что хочешь, и ещё можешь. Мне больше нужны отношения, что б не выглядеть эмоциональной неудачницей. Не более того. А так, сами эти эмоции. Это так глупо. Ну, вот ящерица отбрасывает свой родной хвост, с которым может пол жизни прожила, и не переживает, так что сказать про посторонних людей? Ну да, рас-

стаются. Выбрасывают друг друга из жизни и идут дальше, не оборачиваясь.

– Вот это ты загнула. Про ящерицу! Как можно сравнивать с человеком. Она же тупое существо. Почти насекомое. Или к какому виду они там относятся, ящерицы. Но, в общем, кусок мяса. А мы – люди, думаем, чувствуем. Из твоих слов получается что эмоции, это иррационально. Глупо. А зачем они тогда вообще. Не будешь же жить как робот. Без эмоций. Возрази, если сможешь!

– И возражу. Да, эмоции у человека есть. Но когда человек выбирает между эмоциями и разумом (ты ведь не забывай, в социуме живем, а не в лесу дремучем) Да о каком выборе речь. Если думает по любому вообще третий орган! Вот и все эмоции. Животные потребности. Потому люди и расстаются, что все, происходящее между ними всего-навсего животное, тупое, похотливое. Прикрытое нравами, традициями, и прочими социальными выдумками.

– Когда я слушаю тебя сейчас, совершенно не согласна. Но ты так четко все это аргументируешь. Что начинает казаться – я обманываю себя? Все это так и есть, но я не хочу верить. Но ведь я, я же так не чувствую как ты говоришь. Я люблю. Верю. Верю человеку, который преданно смотрит мне в глаза. Верю, что у него есть чувства, о которых он мне говорит.

– Да, да, конечно. Знаю я это. Он смотрит на тебя такими глазами, словно ты его бог, который создал его. Но как толь-

ко понты перейдут в близость, так все это рассеется. Взгляда такого уже не будет. И на твое недоумение он будет отвечать смущенно. – «Ну да. Было и возможно прошло. Наверно разлюбил». А значит – и не любил он никогда. Или, если ты хочешь все-таки, употребить это слово любовь. Ведь есть она – любовь, просто не нужно в него вкладывать не соответствующий смысл. Представь. – Например, картошка. Даже если ты «любишь» картошку. Очень любишь её. Ты можешь отказаться от салата и супа, чтобы больше съесть картошки. Но в какой-то момент ты наелась и уже не хочешь. Невозможно постоянно хотеть есть картошку. Тебя просто стошнит. И потом ты неделю или год не захочешь её есть вообще. И «влюбишься» в рис. Или в гречку. Тоже происходит и с человеческим эквивалентом. Он, разлюбив твой второй размер груди, влюбляется в чей-то пятый, пока не разлюбит его в угоду какому-нибудь четвертому или третьему....

Я умолкла и довольная своей тирадой потягивала «куба либре» через трубочку. Совсем как тогда. На большой плазме суетились Том и Джерри. Сигаретный дым клубился, придавая воздуху какую-то мягкость. Облака. Это сигаретные облака. Облака бывают от сигарет и воздушные облака на небе. Одни так близко, а другие далеко, высоко, недостижимо. «Счастлив и витает в облаках». А я витаю в этих, сигаретных облаках. И можно ли быть в них счастливой? И у меня так в тему к моим словам, и так не в тему к душевному состоянию, пошел ряд ассоциаций в подтаявшем от алкоголя

мозгу. Перед глазами встала сцена моего случайного знакомства, взаимной влюбленности с первого взгляда с классным парнем. Мы провели с ним ночь. Мне было хорошо. Это оказался первый нормальный парень. Ласковый, нежный. Действительно доставивший мне удовольствие. Он не диктовал какие-то условия, а сам делал все, и я просто отдавалась его воли. Мое неумение не вызвало у него недовольства. Наоборот. Он сам раздевал меня, принимаясь ласкать обнажающееся тело. И эти ласки заставили забыть меня о прежних страхах, неудачах, отвращении. И загореться словно в огне. Плавиться в его руках. И кроме мысли о нем не было никаких посторонних мыслей. Я думала только о том, как получилось так, что раньше я не понимала, какое сладкое может быть мужское тело. С ним я поняла смысл близости. Когда не было боли. А была истома и какое-то дурманящее голову счастье. И все это было так легко и естественно, как будто мое тело росло, подобно бутону, чтоб распуститься в назначенный час в яркий цветок. Оценить данное свыше свойство – быть женщиной. Что же все эти прежние мужчины. Почему не могли они любить меня. А не пытаться тупо удовлетворить, и, побыстрее, одну из своих животных нужд с помощью моего тела. Обидно было, что кто-то до него вообще дотрагивался до моего тела. Я хотела быть только его. Вся. Раз и навсегда. Как показывают в последних кадрах романтических фильмов. А потом он сказал, что хочет, чтоб мы сходили на днях в сауну втроем, с его другом. И убедил ме-

ня, что ничего нет в этом противоестественного. А только больше удовольствия. И я поддалась. Потому что противоречить ему, знавшему лучше меня ключи и пароли ко всему моему телу, разве это возможно. Хотя этот его друг, незнакомый человек, в возрасте, был грубоватый в манерах, некрасивый, с неприятным каким-то запахом тела. Мне хотелось быть только со своим молодым человеком. А не получить сомнительное двойное удовольствие от проникновения в меня второго, отталкивающего на животном уровне, незнакомого тела. Но я делала то, что они мне говорили. Садилась, вставала, ложилась, сдвигала, раздвигала и снова, и снова, как некую аэробику, выполняемую тупо без чувств, по указке... Мы провели вместе около часа. И такой яркий контраст четко дал понять – один мужчина, свой любимый – это хорошо. А искать каких-то сомнительных усиления в удовольствиях... Все это вранье, придуманное психологами или ещё не знаю кем. Не для меня. Никак это не усиливает. Даже наоборот. Так что потом не знаешь, бежать в душ после неприятного человека, или не бежать – ведь был и любимый, прикосновения которого хочется хранить на теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.